

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2013/2014

Второй (окружной) этап 11 класс

1. Укажите литературный жанр. Ответ запишите одним словом.

...Просто вращая вот эту ручку, любой из вас производит до трех сонат в час. А с каким трудом давалось это вашим предкам. Они могли творить, только доведя себя до припадков «вдохновения» – неизвестная форма эпилепсии. И вот вам забавнейшая иллюстрация того, что у них получалось, – музыка Скрябина – двадцатый век. Этот черный ящик (на эстраде раздвинули занавес и там – их древнейший инструмент) – этот ящик они называли «рояльным» или «королевским», что лишний раз доказывает, насколько вся их музыка...

2. Представьте себе, что в некоторых литературных произведениях перепутались персонажи. Напишите небольшой диалог (10–20 реплик) между Пьером Безуховым из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» и Родионом Раскольниковым из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

При оценивании учитываются: знание текста, изобретательность, сохранение речевого своеобразия персонажей, понимание смысла художественного образа.

3. О ком идет речь в этом описании? Напишите имя, отчество и фамилию писателя.

Сын богатого помещика и немки, он носил чужую фамилию, был сослан в ссылку, закончил жизнь в эмиграции вместе с другом и соратником, с которым поклялся служить России; написал роман, по названию которого был сформулирован один из трех знаменитых «русских вопросов».

4. Внимательно прочитайте тексты. Проанализируйте ОДИН ИЗ НИХ (выполните ЛИБО вариант 1, ЛИБО вариант 2) письменно. Пишите связным текстом, внятно, красиво, свободно, выразительно. Объем Вашего текста – 5–6 страниц.

Вариант 1. Комплексный анализ стихотворного произведения.

Анна Ахматова (1889–1966)

* * *

Ещё весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам
И озеро глубокое синело –
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй, –
И вот сегодня снова жаркий вечер...
Как низко солнце стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука,
Мне каждый миг – торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

1917

Вариант 2. Комплексный анализ прозаического произведения.

Вячеслав Алексеевич Пьещух (р. 1946)

ПАУЧИХА

В большой деревне Столетове, на улице, которая почему-то называется Московская Горка, живет старушка Марья Ильинична Паукова, по прозвищу Паучиха, миниатюрное, согбенное существо с маленьким личиком и слезящимися глазами. Марья Ильинична старожил здешних мест и в некотором роде достопримечательность, поскольку ей, наверное, лет сто и она умеет порассказать. К тому же она еще и ругательная старушка, вечно наводящая критику на существующие порядки, что удивительно и вместе с тем не удивительно для пожилого человека, который к тому же сразу после войны был председателем колхоза «Памяти Ильича». Еще интересно то, что Паучиха до сих пор сама жнет, таскает воду, занимается в огороде, каждую субботу парится в баньке и не прочь выпить рюмочку за компанию. Про нее говорят: этой бабке износу нет.

Живет Марья Ильинична в большой и прочной избе с необычными резными наличниками, которые в конце сороковых годов наши стяжали у финнов по репарациям, перевезли во Ржевский район и таким образом отстроили несколько деревень. Изба Паучихи изнутри просторная, с высокими потолками, я как-то у нее был. Как войдешь в сени, так сразу в ноздри пахнет тяжелым крестьянским духом, по составу довольно сложным: затхло-кисло воняет старостью, кирзовыми сапогами, подгоревшим хлебом, кошками, потом, угаром и мерзлым луком. В сенях висит на гвоздиках бросовая одежда, преимущественно ватники и прорезиненные плащи, а в правом углу свалена горкой мертвая обувь, отдаленно напоминающая полотно Верещагина «Апофеоз войны», только еще более мрачного колорита (как выяснилось потом, Паучиха пережила четырех мужей). Далее следует кухня, в которой стоит сломанный холодильник, забитый пустыми банками, кухонный стол, выкрашенный коричневой масляной краской, а на нем туюсок с котятками, раскрытый мешок с картошкой и дымчатая от грязи газовая плита. Из кухни попадаешь в довольно большую горницу, оклеенную разными обоями; здесь вас встречают круглый стол, накрытый плюшевой скатертью, массивная металлическая кровать с обнаженными спальными принадлежностями, пара деревянных откидных кресел, неведомо как залетевших сюда из какого-то кинозала, телевизор «Рекорд», стоящий на табуретке, и по подоконникам в чугунках комнатные цветы, которые производят тяжелый запах; по стенам висят – отрывной календарь, дешевый коврик, большой фотографический портрет женщины с выпученными глазами и почетная грамота в красном углу, там, где полагается быть иконе. Из этой горницы имеется ход в другую, но она всегда заперта на висячий замок, и что там держит Марья Ильинична, неизвестно, может быть, ничего. В тот раз, когда мне довелось быть гостем Паучихи, она усадила меня за стол, сама устроилась напротив в откидном кресле и сразу изобразила на лице настороженное внимание, какое обыкновенно появляется у председательствующего на каком-нибудь деловом собрании после того, как он спросит: «Вопросы есть?»

– Интересно, а сколько вам, Марья Ильинична, лет? – справился я у хозяйки, не думая ее обидеть таким вопросом.

– Да уж я и со счета сбилась, – уклончиво сказала она, и в этом ответе можно было при желании усмотреть некоторое кокетство.

– Ну а все-таки?

– Я так скажу... Когда еще мой покойный батюшка платил двенадцать целковых подушной подати, а солдаты носили смешные картузы, вроде перевернутого горшочка, - с тех пор я себя

и помню. У меня как раз старший брат в таком картузе вернулся с военной службы, так я и запомнила про него.

– В военной области я не специалист. Может быть, вы припомните еще какие-нибудь приметы...

– Ну, вот еще разве что... Когда я совсем маленькой девочкой была и меня только-только приставили нянькой к младшему брату Ваньке, у нас в деревне лужок делили, – вот тот, который сейчас находится сразу за магазином, – и при дележе случилась большая драка. У нас этот лужок каждый год на покос делили, а делалось это так... Собираются, значит, рано поутру всем миром, с бабами, детьми, стариками, и отправляются на лужок. Как придут, то сначала делятся на выти, то есть как бы на бригады по обоюдной симпатии, если по-современному говорить. Потом посылают стариков искать устья, такие отметины, которые остались от прошлогоднего дележа. Если найдут эти самые устья, то дело сладится просто, а если не найдут, то наши мужики разведут такую геометрию, что после водкой два дня отпиваются для поправления головы. Так вот первым делом режут лужок на еми, и не просто режут, а с толканием в грудки, с криками, с матерком, точно они клад по нечаянности нашли. Емей у нас всегда выходило четыре: две цветковых, самых лучших, одна болотная и одна – кусты. Потом шестами делят еми на половины, половины на четвертины, четвертины на косья и полукося, а уж эти делятся по лаптям. Батюшка мой по мягкости характера все время попадал в завйтные души [как выяснилось впоследствии у писателя Златовратского, в вытях всегда было одинаковое число душ, и если при образовании вытей какой-то хозяин выпадал в остаток, то он назывался завйтным и доля нарезалась ему отдельно], и ему нарезали покос особо: кустиков чуть, болотца чуть, чуть от цветковой еми да еще рубль-целковый от мира, за то, что у него такая ангельская душа.

– Ну и когда же происходил этот раздел? – настороженно спросил я.

– Давай, Алексеич, будем соображать... Значит, в тот раз у нас приключилась большая драка, чего раньше за нашей деревней никогда не водилось, и я думаю, что дело было сразу же после воли. Ну и побоище наши мужики устроили, целый день дрались, как все белены объелись! Подерутся-подерутся, устанут, перекусят, и опять драться!

Я сказал:

– Позвольте! Если вы говорите «сразу же после воли», то, стало быть, имеется в виду тысяча восемьсот шестьдесят второй год?! Это что же получается: что вам сейчас как минимум сто сорок лет, ибо вы уже нянчили младшего брата Ваню?!

– Очень может быть, – сказала Марья Ильинична и вся заметно подобралась, точно этот невероятный возраст ее как-нибудь уличал. – Я столько всего повидала в жизни, что очень может быть, что мне сейчас идет сто сорок первый год. И дядя мой родной мне серпом мизинец отчинил за мелкое воровство, и в коллективизацию мы всей деревней в землянках жили, потому что нам в назидание прислали на постой полк кавалерии, и после войны, прости Господи, кошек я ела, и вот этими самыми руками повывела в нашем колхозе яблоневые сады.

Я спросил:

– Яблони-то тут при чем?

– А вот как правительство ввело безобразный налог на яблони и на мелкий рогатый скот, то стали мы всей деревней резать коз и корчевать яблоневые сады.

– Да, – сказал я, – не сладкая у вас была жизнь, это, как говорится, факт.

– Ну что ты, Алексеич, – тускло улыбнувшись, возразила мне Паучиха, – да распрекрасная была жизнь! Я четырех мужей пережила, с восемнадцатого года по двадцать седьмой проживала в барской усадьбе, как княгиня какая-нибудь, целым колхозом командовала, старший сын у меня полковник авиации, да еще у нас на селе всегда был реальный социализм!

– То есть? – не понял я.

– Ну как же: мужики у нас деньги пропивали мирские, общие – это раз; земля всегда принадлежала миру и в то же время как бы была ничья – это два; в-третьих, сколько на моей памяти наши деревенские ни корячились, обыкновенно к весне садились на лебеду. И при царе так было, и при советской власти так было, и при немцах, и опять при советской власти – ну как же не реальный социализм?.. Особенно весело жилось в коллективизацию, это мне показалось, наверное, потому, что я первую конфетку скушала в тридцать втором году. А при немцах я, прости Господи, попривыкла и к шоколаду. Так при них все осталось по-прежнему – и колхоз, и бригады, и трудодни, и план по мясу, – только прибавился шоколад. А потом пришли наши, и меня как бывшую ударницу назначили председателем колхоза «Памяти Ильича».

– И долго вы, Марья Ильинична, председательствовали? – спросил я.

– Неполных четыре года. В сорок седьмом, в июне, меня посадили за колдовство.

– То есть? – не понял я.

– Правильнее будет сказать – за то, что я предсказала сухое лето. Гляжу, комарья повылезало тьма-тьмушая, ну я и говорю нашим бабам: жди засухи, – потому что на этот случай есть дедовская примета.

– Так вы и предсказывать можете, – сказал я, искренне удивившись, – вот это да!

– Предсказания – это что... Я, если хочешь знать, могу по-настоящему колдовать.

– Ну, наколдуйте чего-нибудь...

– Чего конкретно?

– Ну, я не знаю... пускай сегодня вечером, например, вырубится электричество!..

– Это можно.

– Я вот только не пойму: если вы умеете колдовать, то чего вы не наколдуете нормальную урожайность?

Паучиха подумала-подумала и сказала:

– Сама не знаю.

Я полагаю, что это она слукавила, видимо, жизнь как категория представлялась ей настолько отлаженной, совершенной, что она считала предосудительным вмешиваться в естественный ход вещей.

А электричество в тот вечер, действительно, вырубилось на всей территории колхоза «Луч», и его не было две недели.

1980-е гг.